

УДК 811

А.В. БОЧАРОВА
(silence-2105@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ТАКТИКА АКЦЕНТИРОВАНИЯ В РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ*

Рассматриваются основные приёмы акцентирования политического дискурса. Выявлены наиболее частотные употребления приёмов и их роль в формировании речевых портретов политиков.

Ключевые слова: политический дискурс, акцентирование, приёмы акцентирования, логические уловки, политическая речь.

«В настоящее время внимание многих лингвистов привлекает речевое воздействие на адресата в области политического дискурса» [2, с. 155]. Исследование данного вопроса интересно не только в теоретическом, но и практическом аспектах. «Поскольку основная задача политической речи – воздействие на адресата путем привлечения внимания, необходимым является использование приёмов акцентирования, гарантирующих эффективность выступления» [Там же]. Таким образом, цель данного исследования: анализ основных приёмов акцентирования в политическом дискурсе. В работе были использованы следующие методы: описательный, функциональный, мотивационный и контекстуальный.

Для выделения определенных моментов речи в своих выступлениях политические деятели используют различные приёмы акцентирования. Эффективными в данном смысле являются фигуры прибавления – геминация и эктасис, суть которых заключается в удлинении согласных (в первом случае) и гласных (во втором случае) звуков. Проиллюстрируем действия данных приёмов на примере высказываний некоторых политиков:

– **геминация** – «Мы в Днепропетровске построили мощнейший завод, который выпускал [p:] акеты СС-20 – [с:]атана! Вся Европа дро[ж:]ала» (В.В. Жириновский) [Вести 24; 28.09.14];

– **эктасис** – «Так реальная глобальность экономики – это торговые и санкционные в[о:]йны» (В.В. Путин) [Форум «Волдай»; 19–22.10.15]; «Это пр[e:]ступление, и оно наказуемо» (А.Г. Лукашенко) [Во время посещения ОАО «Камволь»; 17.12.12.].

С помощью данного приёма политики в своих выступлениях акцентируют внимание слушателей на определенных моментах речи, выделяют главное и усиливают эффект нагнетания. Также «задержка посредством удлинения звука является приметой **парапросдокии** – эффекта “несоответствия ожидаемому” [1]. Примером может послужить следующее высказывание: «Речь идет не о введении каких-то санкций за гомосексуализм или з[а:]... ну, в общем, понимаете за что» (В.В. Путин) [пресс-конференция в Финляндии; 25.06.13]. В данном случае оратор использовал удлинение гласного с целью додумать продолжение речи, однако такой приём был расценен слушателями как двусмыслица» [2, с. 155–156].

К такого рода приёмам можно отнести и **эмфазу**, которая первоначально понималась как намёк, недоговоренность, что давало возможность адресату самому выстроить догадку и найти дополнительный смысл высказывания. Немного позднее эмфаза стала восприниматься как приём акцентирования, достигаемый путем удлинения звука для выделения определенного сегмента речи. Если рассматривать термин в его первоначальном значении, то можно привести несколько примеров. «Люди, которые что-то в этом понимали, они продали акции, когда ушёл... энергичный, сильный президент»: автор данного высказывания – политик, Константин Боровой – выделяет определенный сегмент своей речи («энергичный, сильный президент») особой интонацией, т. к. именно он и являлся президентом компании «Ринако», о которой идет речь. Однако данный факт он не озвучивает, тем самым даёт воз-

* Работа выполнена под руководством Москвина В.П., доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

возможность адресату самому догадаться, о ком говорит политик. Таким же приёмом намёка и недосказанности воспользовался В.В. Путин: *«Может, это и не российское дело, но у нас же с вами дискуссионный клуб, поэтому я всё-таки позволю себе спросить: Так с союзниками поступают?»*. С помощью инверсии и изменения интонации говорящий даёт возможность адресату домыслить его высказывание и предвосхитить ответ на вопрос, а также пытается имитировать диалог со слушателем.

«Политическому дискурсу присуще использование экспрессивного стиля общения между общественным деятелем и народом, что привело к употреблению в речи политиков сниженной лексики, контрастирующей на фоне дипломатического стиля. Данный приём, характеризующийся резким снижением стиля в конце высказывания, носит название **батос**» [4, с. 156]: *«Земли сельхоз назначения, самая огромная пашня, а завозим продовольствие из-за рубежа – и ведь гадость завозим!»* (В.В. Жириновский) [Вести 24; 28.09.14]; *«Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы и в сортире их замочим, в конце концов»* (В.В. Путин) [о событиях 23 сентября 1999 г.]; *«Для творчества нужен толчок. Урод будет творить, вот урод будет творить, который или в тюрьме стал уродом, или по своим психологическим моментам»* (В.В. Жириновский); *«Я пожизненно не буду в этой должности держаться, как только народ откажется от моих услуг – я портфель подмышку и уйду»* (А.Г. Лукашенко); *«У нас в этом году три миллиона детей не пошли в школу. Я бы только за это Фурсенко выгнал палкой из Правительства»* (Г.А. Зюганов); *«Приняли решение по Афганистану, но кто-нибудь посоветовался с союзниками о том, что нужно делать в Афганистане? Хрена с два!»*; *«Ответственность лежит на наших европейских и американских партнерах, которые теперь хотят на нас переложить ответственность, чтобы мы за них убирали то, что они нагадили»*; *«Но с днем Святого Валентина, конечно, жена поздравила, но валентинку зажала»*; *«Всё сводится к тому, чтобы выбрать из моего личного окружения каких-то близких мне людей, моих друзей и, как у нас в кругах интеллигенции говорят, уконтропупить, как следует»* (В.В. Путин). В последнем примере эффект данного приёма достигается путем использования в сильной позиции жаргонизма «уконтропупить», т. е. унижить, уничтожить. Однако это не является единственным примером: *«Правда будет на моей стороне тогда, когда освободившуюся от меня шконку в новосибирской тюрьме займет Толоконский»* (Б.С. Миронов); *«Бюрократия периодически кошмарит бизнес»* (Д.А. Медведев). Также существуют случаи, когда адресант использует сразу несколько приёмов акцентирования. К примеру: *«Мне совершенно не интересен этот список. Мне наплева[а]ть!»* В данном высказывании батос подкрепляется эктасисом, что добавляет больше экспрессии в высказывание.

«Часто в политическом дискурсе наблюдается резкое желание ораторов приблизиться к народу и говорить с ним на одном языке, что приводит к употреблению **разговорной лексики** на протяжении всего выступления» [2, с. 156]: *«И чиво нам делать?»*; *«А чё вы будете дровами топить?»*; *«Вы, слушайте, достали меня своими однополыми браками»*; *«Вы признаете легитимность выборов, которые состоятся на Украине в это воскресенье? – Вот пристал, а!»* (В.В. Путин) [Россия 24; 4.06.13].

«Однако не всегда политики используют сниженную лексику, также часто в их речи встречаются эвфемизмы, помогающие смягчить высказывание, но передать при этом его первоначальный посыл» [Там же]: *«Наверно, мне стоит повернуться к вам тем местом, каким вы ко мне повернулись, да?»* (Л. Маркелов) [На встрече с жителями села Шимшурга; 8.09.15]; *«Черепная коробка не выдерживает тех, кто такое планирует»* (В.В. Жириновский); *«Украинское государство с каждым днем ослабевает. Ослабевает бюджет каждого гражданина и ослабевает бюджет государства»* (М. Саакашвили); *«Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма»* (А.Б. Чубайс). Эвфемистические замены могут помочь оратору переубедить адресата принять его точку зрения, представить нежелательные факты в лучшем свете.

«Также эффективно приближает политического деятеля к народу путем приема присоединения использование **интертекстуальности**» [2, с. 156] – «присутствие в политическом тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и – шире – как элемента национальной культуры» [4, с. 27]. Нами были выявлены случаи интертекстуальных включений, а именно прецедентных феноменов:

– **прецедентные высказывания**: «Удар нанесли, а потом начали всех подтягивать и говорят: “Кто не с нами, тот против нас”» (В.В. Путин). Следует уточнить, данная фраза была популярна в первые годы советской власти и обычно ассоциируется с агрессивной революционной пропагандой. Однако ее первоисточник – Библия. В Новом Завете (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 30 и Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 23) сказано: «Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает». Используется политиком как аллюзия, напоминание о теории и практике «классовой борьбы», социальной розни, которая насаждалась посредством агрессивной пропаганды в первые годы советской власти в России, а также как уподобление этой практике:

– **прецедентные тексты** (в том числе фразеологизмы): «Старушки платят им за электричество, а они их к себе в карман» (В.В. Жириновский); «И с Зубковым погорите, который занимается у нас сельским хозяйством с молодых ногтей»; «Тяжело будет России, тяжело будет и нам, а они в очередной раз погреют руки»; «Когда американцы разбомбили Ирак, там же всё было шито белыми нитками»; «Если вы это совершили, вам надо сидеть тихо, как мышам под венком, и не шевелиться» (А.Г. Лукашенко); «Для меня ведь лакмусовая бумажка законности в стране – это Чубайс» (Б.С. Миронов); «Я понимаю, что вам нужно Хрущёва и Гайдара смешать с грязью» (А.Б. Чубайс). «Чем занимались наши коллеги (президенты Украины и Грузии), я понятия не имею. Я думаю, что двум президентам есть о чем поговорить, что обсудить, что вспомнить: “Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, что вместе продули они”» (В.В. Путин) – в последнем примере используется переиначенная цитата из «Песни о вещем Олеге» Пушкина, должно быть: «битвы, где вместе рубились они»;

– **прецедентные имена**: «А я волк... тихий, спокойный волк, который ищет Маугли, я из него не Павлика Морозова сделаю»; «Нет у нас сегодня Чацкого, есть Софья и Молчалин» (В.В. Жириновский);

– **прецедентные ситуации**: «В этом году мы будем отмечать двухсотлетие со дня Бородинской битвы, и как не вспомнить Лермонтова и его Чудо-богатырей? Мы помним эти слова еще с детства, со школы, помним этих воинов, которые перед битвой за Москву клялись в верности отечеству и мечтали умереть за него» (В.В. Путин) – в данном высказывании помимо упоминания Бородинского сражения, есть отсылка и к прецедентному тексту – к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Бородино».

«Многие политические деятели в своих высказываниях используют **градацию** для акцентирования внимания реципиента на определенном компоненте высказывания, которому, тем самым, придается особая значимость» [4, с. 156], для достижения языковой манипуляции: «Я не покупаю импортное, оно хуже по качеству и дороже. Вы знаете цены этих итальянских фирм? 100, 200, 300 тысяч за костюм!»; «Нажать, поддеть, оскорбить Россию» (В.В. Жириновский) [Вести 24; 28.09.14]; «Девятнадцать миллионов детей досталось стране после войны – всех выучили, выкормили, все стали настоящими полноценными гражданами» (Г.А. Зюганов) [Вести 24; 22.04.14].

Анафора часто используется в речи политиков с той же целью: «У нас свои ювелиры, у нас свои алмазы и золото»; «А давай еще раз ударим по России, а давай снова накажем Россию, а давай разозлим Россию – им нужна война, как Гитлеру нужна была война» (В.В. Жириновский) [Вести 24; 28.09.14]. В последнем примере накладывается и прецедентный феномен, а именно – прецедентное имя, которые используются здесь не столько для обозначения конкретного человека, сколько в качестве отсылки к определенным событиям.

«Самым эффективным и психологически сильным в политическом дискурсе является **софизм “отравленного колодца”**, суть которого заключается в дискредитации оппонента, чьё дальнейшее вступ-

ление будет основано на попытках оправдать данную дискредитацию» [2, с. 156]: «Почему приведенный выше монолог я назвал монологом Жириновского. Да потому только, что рассуждать так, как рассуждает автор в приведенном выше монологе, может только или фашист, или же, конечно, Владимир Вольфович Жириновский» (Д.В. Тальковский) [Поединок с Владимиром Соловьевым; 25.02.13]; «Все, кто говорит о господстве, о том, что мы самые лучшие – это негодяи, мерзавцы, сумасшедшие» (В.В. Жириновский); «Только глупые люди говорят, что американцы – идиоты» (Франц Клинецвич); «Если человека все устраивает, то он полный идиот. Здорового человека в нормальной памяти не может всегда и все устраивать»; «Нет сердца у того, кто не грустит о распаде Советского Союза, но нет мозгов у того, кто хочет его воссоздать с точностью так, как это было раньше» (В.В. Путин). Часто софизм «отравленного колодца» сопровождается сниженной лексикой, что не может оставить равнодушным своего оппонента и реципиента, поэтому данный приём в политическом дискурсе является особенно мощным и результативным.

Используются также **логические уловки или софизмы**, которые построены на «сознательных нарушениях основных законов и правил формальной логики или же, наоборот, на их умелом использовании в целях манипуляции недостаточно осведомленным оппонентом» [3]. Применяющие эти уловки, как в свое время заметил А. Герцен, «не любят выходить на чистое поле логики, понимая, что терпят на нем поражение». Приведем несколько примеров: «У них постоянный обман», «Миллионы погибли из-за вас»; «Всю страну травят» (В.В. Жириновский); «На фоне политических интриг, беспринципности и лицемерия наша партия, выглядит монолитной и независимой политической силой»; «Сегодня люди видят в нас единственного серьезного оппонента ныне действующей власти» (С.М. Миронов). У всех вышеперечисленных примеров есть одна схожая черта – бездоказательность. Данные высказывания не подкреплены какими-либо аргументами или фактами. Любой софизм политики маскируют под правильное рассуждение, преследуя цель ввести оппонента или реципиента в заблуждение. Все эти софизмы построены на нарушении закона достаточного основания, который гласит, что суждение может являться достоверным только при условии его доказательности.

«Таким образом, можно сделать вывод о том, что в политическом дискурсе тактика акцентирования занимает одну из центральных позиций» [2, с. 157].

Литература

1. Москвин В.П. Удлинение звука в русском слове: риторический и орфоэпический аспекты // Русский язык в школе. 2015. № 5. С. 55–61.
2. Пискунова А.В. Акцентирование как основная тактика в политическом дискурсе // XXI Региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области: тез. докладов. Направление 11. Биология и география, Направление 12. Педагогика и психология, Направление 13. Филология. (г. Волгоград, 8–11 ноября 2016 г.). Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. С. 155–157.
3. Рекламный дискурс и рекламный текст: кол. моногр. / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. 2-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
4. Чудинов А.П. Интертекстуальность политического текста // Лингвистика: Бюллетень Урал. лингвист. общества / отв. ред. В.И. Томашпольский. Екатеринбург, 2003. Т. 10. С. 27–32.

ALINA BOCHAROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE TACTICS OF ACCENTUATION IN THE SPEECH OF POLITICAL FIGURES

The article deals with the main techniques of accentuation of political discourse. The most frequent usage of the techniques and their role in the development of speech portraits of politicians are revealed.

Key words: political discourse, accentuation, accentuation techniques, logical tricks, political speech.